КОДЕКС ИЗБЫТОЧНОГО ДАВЛЕНИЯ

КНИГА III. ПОЗЫВНОЙ

Матвей Листвянов

18+

Матвей Листвянов

Кодекс избыточного давления. Книга 3. Позывной

https://litres.ru/74829494
SelfPub; 2026

Аннотация

Книга о выживании в постапокалиптическом мире среди других выживших, имеющих другие традиции.

Содержание

Содержание 5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОЛОС ПОД ПОМЕХАМИ 7
I. Скала-один 7
II. Полгода без права голоса 12
III. Раздача 15
IV. Ещё одна зарубка 18
V. Тени у периметра 21
VI. Отвёртка и топор 24
VII. Весы 26
VIII. Не ко времени 31
IX. Ефим 37
X. Позывной 41
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Матвей Листвянов Кодекс избыточного давления. Книга 3. Позывной

КОДЕКС ИЗБЫТОЧНОГО ДАВЛЕНИЯ
Книга III. Позывной

Матвей Листвянов

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОЛОС ПОД ПОМЕХАМИ
I. Скала-один
II. Полгода без права голоса
III. Раздача
IV. Ещё одна зарубка
V. Тени у периметра
VI. Отвёртка и топор
VII. Весы
VIII. Не ко времени
IX. Ефим
X. Позывной
XI. Общий стол
XII. Крыша над лотками
XIII. Не по цифрам
XIV. Что уходит и что тянет
XV. Не среда
XVI. Протокол
XVII. Решение ехать
XVIII. Ночь без сна
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОСТ ЧЕРЕЗ КАМЕНКУ
XIX. Дорога на Скалу
XX. Приём
XXI. Порядок камня

XXII. Люди карьера
XXIII. Как строили Скалу
XXIV. Дома
XXV. Список у двери
XXVI. Общий враг
XXVII. Два метода
XXVIII. Вечер в карьере
XXIX. Знакомые лица
XXX. Её земля
XXXI. Сборы
XXXII. Двое старших
XXXIII. Подход
XXXIV. Волчий распадок
XXXV. Гуров
ФИНАЛ
XXXVI. После
XXXVII. Разрыв
XXXVIII. Эстафета
XXXIX. Чужой запах
XL. Девятнадцать голосов
XLI. Второе письмо
XLII. Клава
XLIII. Что дальше
ПРИЛОЖЕНИЕ
УСТАВ СОВЕТА СКАЛЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОЛОС ПОД ПОМЕХАМИ

I. Скала-один

На четвёртые сутки после первого голоса Скалы в отсеке связи не смолкал спор о том, отвечать ли вообще.

— Если мы выйдем в эфир и это окажется банда, а не посёлок, мы сами дадим им пеленг на себя, — Марк стоял у стола, не садясь, будто сидя было труднее держать мысль собранной. — «Гранит» мы нашли по дыму. Нас так же найдут по голосу.

— Мы уже два года ведём открытое дежурство и слушаем эфир каждую ночь, — возразила Марина, не отрываясь от журнала. — Кто хотел нас найти по излучению — нашёл бы раньше.

— Слушать и говорить — разные вещи, — не сдавался Марк. — Слушая, мы ничего не выдаём. Говоря — выдаём частоту, манеру речи, число голосов.

Виктор сидел во главе стола, не торопясь закрывать спор простым счётом мнений. За два года он выучил разницу между молчанием, за которым идёт решение, и молчанием, за которым идёт ещё одно молчание, и сейчас держал имен-

но первое.

— Сергей, — сказал он наконец. — Ты знаешь про эту Скалу больше нас всех. Что скажешь?

Сергей сидел чуть в стороне, у стены, — с той поры, как под Подпорой появилось имя, которое он не сразу решался произносить вслух, он стал садиться так на всех собраниях, где заходила речь о востоке.

— Дисциплинированные, — сказал он, взвешивая каждое слово. — Тамара говорила — жёсткие к чужим на своей земле. Но и разгромили банду, из которой мы вышли, не по слухам, а на деле. Такие не станут гоняться за случайным голосом в эфире просто потому, что он прозвучал. У них своих забот хватает.

— Значит, риск не в том, что нас услышат, — подытожил Виктор. — Риск в том, что мы промолчим два года подряд, и однажды они выйдут к нашему периметру раньше, чем мы успеем решить, друзья они или нет.

Илья, до этого молча слушавший от края стола, куда садился ещё с первых месяцев под землёй, поднял голову от собственных записей.

— Есть ещё один довод, о котором никто не сказал вслух, — заметил он. — У них, судя по докладу, счёт на сотни. Если там действительно налажено хозяйство такого размера, у них есть то, чего нет у нас, — избыток. А у нас есть то, чего может не быть у них, — уцелевшие семена довоенных сортов, которые Соня бережёт как зеницу ока. Молчание нам

ничего в этом смысле не приносит. Только разговор может.

— Ты уже считаешь, чем торговать, — не без иронии заметил Марк.

— Я считаю то, что умею считать, — пожал плечами Илья. — Кто-то должен думать не только про угрозу, но и про то, что мы выиграем, если угрозы не будет.

Марина за это время уже настроила передатчик на частоту, где поймали доклад, и держала руку у тумблера, ожидая не разрешения — команды.

— Короткий выход, — сказал Виктор. — Позывной, координаты не называем, слушаем ответ. Если промолчат — попробуем через неделю ещё раз. Если ответят враждебно — выключаем и молчим месяц.

Марк не стал спорить дальше — просто сел, впервые за разговор, и то, как он сложил руки на столе, было ближе к согласию, чем любые слова.

Марина щёлкнула тумблером передачи.

— Приём, приём. Говорит Подпора, укреплённое поселение к западу от вас. Слышали ваш доклад по сектору три. Отвечаем в первый раз. Приём.

Она отпустила тангенту. Динамик отозвался ровным шумом — тем же самым, что стоял в эфире двести с лишним дней до этого голоса, и теперь этот шум звучал иначе: не пустотой, а паузой, за которой мог быть кто-то живой.

Прошло тридцать секунд. Сорок. Лёвка, сидевший у входа с журналом аномалий на коленях — в отсек его никто спе-

циально не звал, но и не выгонял, — вдруг подался вперёд.

— Тише, — сказал он. — Мне кажется, там что-то есть, под шумом.

Марина прибавила громкость. Сквозь шипение прорезался голос — тот же деловитый, немолодой тон, что и в первый раз:

«…Подпора, приём… Скала-один слышит вас… кто вы такие, откуда знаете наш сектор…»

Марина взглянула на Виктора. Тот кивнул один раз.

— Мы слушали ваш эфир два года, — сказала она в микрофон. — Не отвечали, потому что не знали, кто вы. Теперь решили заговорить первыми.

Пауза на этот раз была короче.

«…Понял вас, Подпора. Записал позывной. Дальше говорить буду не я — доложу старшему. Ждите следующего сеанса, время сообщим отдельно…»

Связь оборвалась так же чисто, как и в первый раз — без затухания, будто там, на другом конце, действительно существовал порядок, в котором разговор кончается ровно там, где должен.

Марина выключила передатчик и посмотрела на Виктора.

— Началось, — сказала она.

Виктор молча кивнул. Он не сказал больше ничего, но, выходя из отсека, задержался в дверях и обернулся к Лёвке.

— Ты услышал голос под шумом раньше меня. Раньше Марины.

— Я просто дольше сижу тут по ночам, — пожал плечами Лёвка. — Ухо привыкает.

Виктор не стал спорить и не стал хвалить — просто кивнул, как кивают человеку, чью работу только что взяли на заметку, и вышел.

* * *

II. Полгода без права голоса

Полгода, отсчитанные Кодексом от собрания у поленницы, истекли на исходе той же недели, когда Скала впервые ответила Подпоре, — и Виктор вынес этот вопрос на стол раньше, чем кто-либо успел о нём напомнить.

— Срок наказания истёк, — сказал он на утреннем брифинге, ни к кому не обращаясь напрямую, хотя в зале был человек, для которого эти слова значили больше, чем для всех остальных вместе взятых. — По Кодексу право голоса возвращается автоматически, без отдельного собрания.

Костя — имя, прижившееся само собой в первые же недели после Дня шестисот, когда даже Виктор устал называть человека просто «он» в протоколах, — так его теперь называли все, кроме Сергея, который до сих пор обходился без имени, — стоял у двери, где стоял всегда, когда речь заходила о нём самом, и не поднял взгляда от собственных рук.

— Понял, — сказал он тихо.

Сергей молчал. За полгода он выучился делить с Костей периметр и скважину, здороваться коротким кивком, не больше и не меньше, — но выучиться этому оказалось проще, чем выучиться забывать три полосы на предплечье и запах ржавой воды из отстойника.

— Голосование по общим вопросам с завтрашнего утра — с твоим голосом, как у всех, — продолжил Виктор, глядя уже

на Костю. — Прощения это не означает. Означает только то, что срок, который назначил Кодекс, истёк. У Кодекса просто нет инструмента для прощения — только для сроков.

— Я не жду прощения, — сказал Костя, впервые за месяцы подняв взгляд на Сергея, а не на пол. — Ждал только срока. Дождался.

Сергей не ответил ни ему, ни Виктору. Он встал и вышел из зала первым — не хлопнув дверью, просто выйдя раньше, чем понадобилось бы говорить что-то в эту тишину.

Вечером Дмитрий застал Сергея у скважины — тот стоял над насосным узлом, не работая, просто глядя в чёрное отверстие трубы, где когда-то едва не потерял их обоих болотный газ.

— Право голоса вернули, — сказал Дмитрий, не спрашивая, знает ли Сергей об этом. — Ты не проголосовал ни за, ни против.

— Кодекс спрашивал не меня, — ответил Сергей. — Он просто сказал, что срок прошёл. Меня никто не спрашивал, прошёл ли срок у меня самого.

— А он прошёл?

Сергей провёл пальцем по шву трубы, будто ответ мог найтись где-то на металле, а не внутри него самого.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Я киваю ему у бака. Я не отдаю ему лишнюю воду, как отдавал сам, когда был чужим здесь. Это уже больше, чем я думал, что смогу. Но здороваться за руку я пока не готов, и не хочу врать никому,

что готов.

— Никто не просит тебя врать, — сказал Дмитрий. — Кодекс отмерил срок. Остальное он не отмеряет — это уже по твоей части.

Он не стал утешать дальше — просто взял ключ и стал вместе с Сергеем проверять резьбу на хомуте, который они оба помнили лучше, чем хотели бы, и работали молча, пока не стемнело.

На следующее утро Костя впервые за полгода поднял руку на голосовании — простом, техническом, о переносе смены на скважине, — и никто в зале не сделал из этого события. Сергей поднял руку той же секундой, что и он, за то же самое решение, и это тоже осталось без комментария: два поднятых кулака за один и тот же пункт повестки, ничего более.

Вечером того же дня, однако, случилось то, чего не заметил никто, кроме самого Кости. Он подошёл к раздаточному баку в свой обычный час, последним в очереди, как ходил уже полгода по собственной воле, а не по чужому распоряжению, и на этот раз Сергей, уже наполнивший флягу, не ушёл сразу. Он стоял ещё секунду, будто хотел что-то сказать, и не сказал — просто задержал кивок на удар сердца, прежде чем развернуться и уйти.

Костя проводил его взглядом и молча вернулся к своей фляге.

* * *

III. Раздача

Илья не спал в ту ночь, когда пришло известие о первом ответе Скалы, — не от тревоги, а от того особого, знакомого только ему возбуждения, с каким когда-то, ещё в прежней жизни, он открывал новую тетрадь для учёта, зная, что придётся заполнить её заново с первой строки.

Он разложил на столе амбарную книгу — ту самую, потрёпанную, с которой начинал вести хозяйство ещё под землёй, — и стал переписывать резервы набело: сколько зерна, сколько консервированных овощей, сколько лишних семян сверх посевного плана, сколько инструмента, который дублировался и лежал без дела с тех пор, как Марк наладил собственное производство простых деталей.

— Не спится? — спросила Анна, заглянувшая в кладовую за бинтами и заставшая его за этим занятием в третьем часу ночи.

— Считаю, чем нам будет не стыдно поменяться, если дойдёт до торговли, — сказал Илья, не отрываясь от страницы. — Раньше я считал, сколько нам нужно, чтобы выжить. Теперь впервые за два года считаю, сколько у нас есть сверх того, что нужно.

— Непривычное чувство? — Анна присела напротив, на минуту забыв про бинты.

— Странное, — признался Илья. — Я двадцать лет считал

в другую сторону — сколько не хватает до зарплаты, сколько до отпуска, сколько до конца месяца. Потом здесь — сколько до конца патронов регенерации. А теперь вдруг оказывается, что у нас есть избыток, и я не знаю, куда девать умение считать в плюс, а не в минус.

Он посмотрел на графу с семенами довоенных сортов — той самой партией, что Соня выменяла у Весов задолго до того, как торговец назвал первое имя.

— Лёвка, когда был маленьким, спрашивал меня, что мы будем делать, когда всё закончится, — сказал Илья тише. — Я тогда не знал, что ответить. Думал, «закончится» — это когда прекратится опасность. Теперь мне кажется, «закончится» — это когда начинаешь считать не только то, чего боишься лишиться, но и то, чем можешь поделиться.

Анна слушала его не перебивая, — не как врач, оценивающий состояние, а просто как человек, которому нашлось время выслушать другого не по расписанию.

— Ирина гордилась бы тобой сейчас не меньше, чем гордилась Лёвкой, — сказала она наконец, зная, что имя это в разговоре звучало не часто, и Илья вздрогнул едва заметно, услышав его.

— Она бы сказала, что я опять считаю вместо того, чтобы спать, — Илья позволил себе слабую улыбку. — Она всегда так говорила, когда заставала меня с бумагами в два часа ночи. Может, права была.

— Иди спать, — сказала Анна мягко. — Цифры подождут

до утра. Они, в отличие от людей, никуда не убегут.

Он послушался не сразу — дописал последнюю строку, аккуратно закрыл книгу и только потом погасил лампу, думая о том, что где-то там, за холмами, в посёлке, о котором они пока знали только позывной, кто-то, возможно, точно так же не спит и считает свои избытки, готовясь к тому же самому разговору.

* * *

IV. Ещё одна зарубка

Расширенный патруль — новшество, введённое Дмитрием после Дня шестисот, — обходил периметр по внешнему кольцу раз в неделю, на километр дальше прежней границы видимости. В то утро очередь дошла до дальнего оврага, где минувшей зимой уже находили одну зарубку с тремя полосами.

Марина шла первой, с картой в планшете, Дмитрий — на полшага сзади, здоровой рукой держа карабин, травмированной — планшет с записями, привычка, выработанная годами.

— Здесь, — сказала Марина, останавливаясь у ствола сухой берёзы в трёхстах метрах от прежней метки. — Смотри.

Зарубка была свежей — светлая древесина ещё не успела потемнеть, три параллельные черты, вырезанные тем же уверенным, неглубоким движением ножа, что и на первой находке.

— Не то же дерево, — заметил Дмитрий. — Значит, кто-то прошёл здесь, а не просто вернулся к старой метке.

— Или их несколько, — сказала Марина. — Метят маршрут, а не место.

Они прошли ещё сотню метров вдоль оврага и нашли то, что искать не собирались: маленький схрон под корнями упавшего дерева, полупустой, с двумя банками тушёнки —

старыми, ещё довоенными, судя по маркировке, — и обрывком верёвки, слишком новой, чтобы пролежать здесь годы.

— Это наш склад? — спросил Дмитрий, хотя знал ответ раньше, чем спросил: он лично составлял опись всех тайников Подпоры, и этого места в описи не было.

— Не наш, — Марина присела над схроном, не трогая содержимое. — Кто-то устроил себе точку на маршруте. Между нами и Скалой, судя по направлению оврага.

Дмитрий сфотографировал находку на планшет и аккуратно вернул всё как было — не тронул банки, не срезал верёвку.

— Доложим Виктору как есть, — сказал он. — Без вывода. Пусть сам решает, зарубка это Гурова или просто чей-то старый охотничий знак.

— Ты сам-то как думаешь? — спросила Марина, поднимаясь.

Дмитрий помолчал, разглядывая свежий срез на коре.

— Три полосы — не случайный узор, — сказал он. — Я видел его дважды за два года, и оба раза это было к беде. Не хочу оказаться прав в третий раз, но готовиться буду так, будто уже оказался.

На обратном пути они прошли мимо старого места, где два года назад Дмитрий и Сергей стояли на совместном дежурстве под первым снегом, — сетка забора здесь давно заросла вьюном настолько, что периметр из оборонительного сооружения незаметно стал ещё и живой изгородью.

— Расскажешь Сергею сам, или мне сказать ему? — спросила Марина, когда они подходили к воротам.

— Сам, — коротко ответил Дмитрий. — Он должен услышать это не по цепочке, а от того, кто нашёл.

Он нашёл Сергея тем же вечером у скважины и рассказал коротко, без прикрас, — так же, как рассказывал сам Сергей меньше года назад про Костину татуировку. Сергей выслушал молча и долго смотрел на фотографию зарубки на экране планшета, прежде чем произнести хоть слово.

— Значит, не почудилось, — сказал он наконец. — Значит, он действительно ещё жив и ещё ходит по этой земле.

— Или кто-то, кто повторяет его знак, — уточнил Дмитрий, стараясь оставить дверь открытой для менее страшного объяснения.

— Три полосы такой формы, такой глубины реза, — Сергей покачал головой. — Я слишком долго прожил рядом с людьми, которые их вырезали. Это не подделка.

Обратно к периметру они шли быстрее, чем шли сюда, и оба молчали почти всю дорогу: сказанное вслух раньше времени всё равно ничего бы не изменило.

* * *

V. Тени у периметра

Тревога сработала в третьем часу ночи, через пять дней после находки схрона, — не датчик движения на дальнем краю, как когда-то с Тамарой и её спутниками, а ближний, южный участок, самый охраняемый из всех.

Костя дежурил в ту ночь на южной вышке — впервые с тех пор, как ему вернули право голоса, его поставили на смену не в паре с Дмитрием, а самостоятельно, и он воспринял это назначение как знак доверия, о котором вслух никто не говорил.

Датчик мигнул один раз, потом снова — не непрерывным сигналом тревоги, а прерывистым, каким срабатывает система на что-то небольшое и осторожное, а не на прямую атаку.

— Периметр, южный участок, есть движение, — доложил Костя по связи, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя сердце колотилось так, что отдавалось в ушах. — Не крупное. Возможно, человек, возможно, зверь.

Дмитрий поднялся на соседнюю вышку меньше чем за минуту — сна в ту ночь у него, как и у половины периметра, было немного с того самого дня, как нашли вторую зарубку.

— Что видишь? — спросил он, забирая у Кости бинокль ночного видения.

— Ничего уже, — признался тот. — Мелькнуло и пропало. У кустов, там, где заканчивается вьюн на сетке.

Дмитрий долго всматривался в темноту, не находя ничего, кроме неподвижных теней ольшаника, потом опустил бинокль.

— Возможно, лиса, — сказал он вслух, не столько убеждая Костю, сколько проверяя эту мысль на звук. — Возможно, нет.

Он спустился к сетке сам, взяв с собой фонарь и карабин, — привычка, выработанная годами, не доверять полностью ни одному прибору, если можно проверить руками и глазами. У основания сетки, там, где вьюн густо переплетался с проволокой, он нашёл примятую траву — след не звериный, слишком широкий и слишком ровный, будто кто-то стоял здесь неподвижно долгое время, разглядывая посёлок, прежде чем уйти.

— Человек, — сказал он, поднимаясь. — Стоял здесь минимум четверть часа, судя по тому, как примята трава в одном направлении.

Костя, спустившийся следом, посмотрел на след долго, не произнося ни слова.

— Разведка, — сказал он наконец глухо. — Так делал Гуров всегда, прежде чем что-то решить. Присылал одного, чтобы тот просто смотрел. Не трогал ничего. Просто смотрел, сколько нужно, чтобы понять, где слабое место.

— Ты уверен, что это его манера, а не общая для всех, кто хочет ограбить чужой периметр? — спросил Дмитрий, хотя сам уже понимал ответ по тому, как напряглось лицо Кости.

— Не уверен на сто процентов, — признался Костя. — Уверен настолько, насколько может быть уверен человек, который стоял точно так же на разведке по его приказу не один раз.

Виктор, разбуженный докладом, пришёл к периметру лично и выслушал обоих, не перебивая.

— Удваиваем ночные дежурства с сегодняшнего дня, — сказал он. — Южный и восточный участки — по двое, не по одному. И, Костя, — он повернулся к бывшему подчинённому Гурова прямо, — если твоя память о его манерах верна, ты нам полезнее живым свидетелем, чем виноватым молчуном. Говори, что вспомнишь, не дожидаясь, пока спросят.

Костя долго смотрел на Виктора, будто проверяя, не издевка ли это.

— Скажу, — ответил он наконец. — Впервые за два года меня просят не отвечать за то, что было, а помочь с тем, что будет.

Он не сказал больше ничего в ту ночь, но на следующее утро сам, никем не вызванный, пришёл к Виктору с коротким списком: расстояния, на которые Гуров обычно отправлял разведчиков, время суток, которое он предпочитал для вылазок, привычка никогда не повторять один и тот же путь дважды. Виктор прочитал список дважды, сложил вчетверо и убрал в нагрудный карман, туда же, где держал карту периметра.

* * *

VI. Отвёртка и топор

Дмитрий, получив список Кости, не стал сразу нести его Виктору — вместо этого пришёл в оружейный отсек, где Костя в неурочный час перебирал инструмент, раскладывая его по местам, которые давно знал наизусть.

— Список хороший, — сказал Дмитрий, садясь на соседний табурет. — Толковый. Дельный.

— Спасибо, — Костя не поднял взгляда, будто ждал подвоха в самой похвале.

— Не жди, что я скажу тебе больше, чем сказал, — заметил Дмитрий прямо, уловив это ожидание. — Я не умею говорить людям, что они хорошие. Умею говорить, что список толковый. Это другое.

Костя коротко усмехнулся — редкая гримаса на его обычно неподвижном лице.

— Ты один из немногих здесь, кто вообще что-то говорит мне, не считая Виктора, — сказал он. — Большинство просто терпят, что я рядом.

— Сергей не терпит, — заметил Дмитрий. — Он честнее многих: не делает вид, что простил, раз не простил.

— Знаю, — Костя отложил инструмент. — Мне легче с ним, чем с теми, кто улыбается через силу. Хотя бы понятно, на каком я свете.

Дмитрий протянул ему разводной ключ — тот самый, с

истёртой рукоятью, которым сам пользовался годами.

— Покажи, как ты обычно проверяешь резьбу на хомуте, — сказал он. — Хочу знать, тем ли способом, что я, или Гуров учил вас иначе.

Костя показал — движение вышло чуть иным, чем у Дмитрия, короче, экономнее, — и они оба некоторое время молча сравнивали хватку, каждый по-своему приноравливаясь к чужому темпу.

— У вас в отряде вообще чинили что-то, кроме оружия? — спросил Дмитрий, не отрываясь от инструмента.

— Иногда, — Костя пожал плечами. — Гуров не любил, когда что-то простаивало без дела, даже человека. Если ты не воевал и не был ранен, тебя ставили чинить, готовить или разведывать. Простоя он не терпел.

— Здесь тоже не любят простоя, — заметил Дмитрий. — Разница в том, что здесь простой прощают, если причина уважительная. У вас прощали?

Костя отставил инструмент и не сразу поднял взгляд.

— Нет, — сказал он наконец. — У нас простой не прощали никогда.

Дмитрий не стал развивать эту мысль дальше — просто кивнул и вернулся к списку, который принёс с собой, сверяя написанное с тем, что Костя только что показал руками. Работа заняла остаток вечера, и оба, расходясь, обменялись коротким «до завтра».

* * *

VII. Весы

Торговец пришёл к воротам Подпоры на закате, ведя за собой тощего мула, гружённого мешками и небольшими деревянными весами, которые он таскал с собой не для дела, а как визитную карточку, — отсюда и прозвище, которым его называли на всех дорогах, какие он успел обойти за эти два года.

— Меняю иголки на соль, соль на батарейки, батарейки на всё, что горит или режет, — сказал он, останавливаясь на положенном расстоянии от периметра, не пытаясь подойти ближе. — Слышал, здесь дают воду проезжим. Не задаром, если найдётся что предложить.

Дмитрий обыскал его товар методично, не грубо, а Соня выменяла у него горсть семян, каких не было в их собственном архиве, — старой, довоенной ещё породы, судя по этикетке на мятом бумажном пакетике.

— Откуда идёшь? — спросил Виктор, когда торговца пустили за внешний контроль, но не дальше карантинного стола.

— С юга, вдоль старой трассы, — Весы прихлёбывал чай, который ему налили без особой щедрости, но и без экономии. — Иду туда, где меняют. Ваш посёлок — не первый на моём пути и, надеюсь, не последний.

Лёвка, забредший к столу под предлогом проверки пока-

заний, сидел чуть в стороне и разглядывал весы торговца с нескрываемым любопытством — маленькие, латунные, с потёртыми делениями, явно старше самого хозяина.

— Они точные? — спросил он, не удержавшись.

— Точнее меня самого, — усмехнулся Весы. — Достались от отца, тот держал их с юности. Я вожу их не столько взвешивать, сколько чтобы люди видели: со мной торгуются честно, а не на глаз.

— А зачем вам вообще ходить одному? — снова спросил Лёвка. — Не страшно?

— Страшно, парень, — Весы посмотрел на него внимательнее, чем на предыдущий вопрос. — Но одному проще договориться с любым, кто встретится, — я не похож на угрозу. Группа всегда выглядит опаснее одного человека с весами и мулом.

— Слышал что-нибудь про человека, который метит деревья тремя полосами? — спросил Дмитрий напрямую, не тратя времени на обходные вопросы.

Весы медленно поставил кружку.

— Про такого — нет, — сказал он осторожно. — Но про одного в тех лесах, что восточнее вашего оврага, слышал. Ходит не один — с двумя, может, тремя. Берёт то, что плохо лежит, у одиноких путников вроде меня. Дважды обходил его стороной, когда чуял дым от его костра не в том месте, где положено быть дыму.

— Как выглядит? — спросила Тамара, до этого молчав-

шая в стороне, и голос её был таким ровным, что это само по себе звучало тревожно для тех, кто знал её достаточно, чтобы услышать разницу.

— Не видел лично, — Весы пожал плечами. — Люди говорят разное. Кто-то говорит — хромает. Кто-то — что не хромает вовсе, просто ходит медленно, потому что не спешит никогда. Врут, наверное, оба.

— Имя называл кто-нибудь? — не отступала Тамара.

— Один раз, у костра на переправе, — торговец понизил голос, будто даже сейчас, за две сотни километров, боялся, что его услышат не те уши. — Гуров. Сказали и тут же пожалели, что сказали, — я видел это по лицам. Больше я не спрашивал.

В зале, где шёл разговор, стало очень тихо. Сергей, сидевший у стены, не пошевелился, но Тамара рядом с ним стиснула чашку так, что пальцы побелели вокруг фаянса, — не резко, просто медленно, как сжимается что-то под постоянным, ровным давлением.

— А про посёлок за холмами, что зовётся Скалой, слышал что-нибудь? — спросил Виктор, стараясь увести разговор в чуть менее опасную сторону.

— Слышал, — оживился Весы, будто рад был сменить тему. — Крепкие люди. Торгуют неохотно, но честно — обманывать не пробовал никто дважды. У них там что-то вроде совета, не один хозяин. Странно устроено на мой взгляд, но работает, раз стоят уже который год.

— Спасибо, — сказал Виктор торговцу. — Заночуешь в карантинном отсеке, отдельно. Утром дадим воды и проводим до дороги.

Весы кивнул, забирая свои весы обратно в мешок с таким видом, будто уже забыл о разговоре, — привычка человека, для которого чужие тревоги были товаром, который он не собирался носить с собой дольше необходимого.

Когда он ушёл спать, Виктор остался за столом один с Сергеем и Тамарой.

— Это ещё не подтверждение, — сказал он осторожно.

— Это первое имя за два года, — ответила Тамара, не поднимая глаз. — Слухи о хромом человеке и человеке, который не спешит, могут быть про кого угодно. Имя — не может.

Она поставила чашку на стол — аккуратно, слишком аккуратно для того, как её держали руки минуту назад, — и вышла, не дожидаясь, чем закончится разговор.

Утром, когда Весы уже собирался в дорогу, Лёвка вынес ему пакет с сушёными травами сверх положенного обмена.

— От себя, — сказал он смущённо. — За весы. И за то, что рассказали правду, а не то, что мы хотели услышать.

Весы взял пакет, взвесил его на ладони, будто по привычке прикидывая вес без прибора, и впервые за визит улыбнулся по-настоящему.

— Хороший из тебя выйдет торговец, парень, — сказал он. — Если решишь однажды сменить дело.

— Я слушаю эфир, — ответил Лёвка. — Мне и так есть

чем заняться.

* * *

VIII. Не ко времени

Анна пришла в командный модуль на следующее утро после ухода Весов, раньше завтрака, когда Виктор ещё раскладывал по столу карту с пометками схрона и свежей зарубки.

— У меня разговор, который не влезет в обычный брифинг, — сказала она, садясь напротив без приглашения. — Поэтому пришла сейчас, пока за столом только мы двое.

Виктор отложил карандаш.

— Слушаю.

— Три сеанса связи со Скалой за две недели. Встреча назначена. Список того, чем мы готовы поделиться, Илья ведёт по ночам, как дневник, — Анна говорила ровно, глядя ему прямо в глаза, не отводя взгляда ни на карту, ни на окно. — И в это же самое время в трёх километрах отсюда человек с ножом метит деревья и присылает разведчика стоять у нашей сетки по четверть часа. Вчера мы узнали его имя. Мы не отменили ни одного пункта программы со Скалой. Ни одного, Виктор.

— Мы удвоили дежурства, — ответил он. — Поставили секрет на краю оврага. Костя составил список его повадок. Это не бездействие.

— Это распределение внимания, — возразила Анна. — У нас пятеро людей, которые раньше спали по восемь часов, а теперь спят по пять и думают не только про урожай и филь-

тры, но и про то, не хрустнет ли ветка за сеткой. И этих же самых людей, часть из них, ты через две недели повезёшь к мосту, оставив периметр без половины тех, кто его обычно держит.

Дмитрий, вошедший в разгар разговора с докладом о ночной смене, остановился у двери, не решаясь прерывать.

— Заходи, — сказал Виктор. — Это касается и тебя тоже.

Следом за ним заглянул Сергей — он шёл мимо командного модуля по пути на скважину и задержался в дверях, услышав имя Гурова, произнесённое Анной вслух.

— Договаривайте при мне, — сказал он, остановившись на пороге. — Раз уж речь о нём.

Виктор кивнул, и Сергей сел на свободный табурет, не снимая рабочих перчаток.

— Я лечу людей два года, — продолжила Анна, не сбавляя тона из-за новых слушателей. — Знаю на своей шкуре, что бывает, когда внимание размазано на два фронта сразу, а не сосредоточено на одном. Хуже справляешься с обоими. Я не говорю, что Скала — ошибка. Я говорю, что сейчас — не время для неё. У нас под боком живой, подтверждённый источник опасности, а мы вместо того, чтобы сосредоточиться на нём одном, ведём два дела сразу, словно у нас хватает рук на оба.

— Какое решение ты предлагаешь? — спросил Виктор, не отступая от её взгляда.

— Остановить переговоры со Скалой до тех пор, пока мы

не возьмём Гурова или не убедимся, что он ушёл отсюда навсегда, — сказала Анна прямо. — Не навсегда. На время. Пока не закроем ближний вопрос, прежде чем открывать дальний.

Дмитрий заговорил первым, прежде чем Виктор успел ответить:

— Риск реален, тут я на твоей стороне. Но останавливать разговор со Скалой сейчас — значит заставить их ждать неизвестно сколько без объяснения причины. Они уже назвали время следующего сеанса. Молчание в такой момент читается хуже, чем прямой разговор о задержке.

— Тогда скажем им правду, — не сдавалась Анна. — Что у нас сейчас угроза ближе дома, и мы хотим сперва разобраться с ней.

Сергей покрутил в пальцах снятую наконец перчатку, прежде чем заговорить.

— Я две зимы жил рядом с его людьми, — сказал он тихо. — Гуров не нападает в лоб, пока видит, что противник держится кучно и внимательно. Он нападает, когда видит трещину. Остановка переговоров со Скалой — она ведь тоже такая трещина, только с другой стороны: значит, мы испугались, значит, у нас не хватает рук на два дела сразу. Он это считает так же, как ты считаешь лекарства, Анна.

— Или он сочтёт, что мы наконец взялись за ум, а не разбрасываемся, — не уступила Анна.

— А если угроза — как раз повод не тянуть? — сказал

Виктор. — Если Гуров действительно бродит между нами и ними, Скала — единственная сила в округе крупнее нас самих, которая уже один раз его разбила. Чем дольше мы молчим, тем дольше мы одни против него.

Анна покачала головой — не соглашаясь, а просто давая понять, что услышала довод и не считает его решающим.

— Ты меняешь местами причину и следствие, — сказала она. — Союз против Гурова — это одно. Торговый разговор про избыток семян и инструмента — совсем другое. Ты смешиваешь их, потому что первое звучит как оправдание для второго.

Виктор долго молчал, глядя на карту между ними, на пометки схрона и свежей зарубки, обведённые красным.

— Может быть, смешиваю, — признал он. — Но решение я всё равно принимаю так: едем к мосту в назначенный срок. Усиливаем периметр ещё, насколько сможем, прежде чем выезжать. Костя и Дмитрий держат оборону здесь всем, что у нас есть, Борис берёт на себя их смены в котельной и на скважине, пока оба заняты периметром. Это не отмена твоего довода, Анна. Это выбор не в твою пользу.

— Я и не просила отменить довод, — ответила она. — Просила принять его всерьёз. Ты его выслушал. Этого достаточно, чтобы я не считала себя неуслышанной. Недостаточно, чтобы я перестала считать это ошибкой.

За столом стало тихо — не враждебно, но и не примирительно: тем молчанием, в котором каждый остаётся при сво-

ём, и дальше придётся жить рядом с чужим мнением, а не внутри общего.

Дмитрий поднялся первым, не желая оставаться в этой паузе дольше необходимого.

— Пойду проверю смену, — сказал он и вышел, кивнув обоим на прощание.

Сергей тоже встал, но у двери обернулся.

— Анна права в одном, — сказал он. — Насчёт того, что он чувствует трещины. Просто я не знаю, какая трещина для него опаснее — наша осторожность или наша открытость. Может, обе. Может, ни одна.

Он вышел вслед за Дмитрием, оставив Анну и Виктора вдвоём.

— Если что-то пойдёт не так у моста, — сказала Анна, не оборачиваясь к двери, — я хочу, чтобы ты помнил: я предупреждала не для протокола. Я предупреждала, потому что действительно так думаю.

— Запомню, — сказал Виктор тихо.

Она ушла в медблок и до самого вечера не поднимала эту тему больше ни разу — ни при Викторе, ни при ком-либо ещё. Но когда остальные расходились после ужина, она достала из шкафа старую коробку с остатками категории Б антибиотиков, пересчитала их заново, хотя считала всего три дня назад, и записала в собственный блокнот, не предназначенный ни для какого журнала посёлка, короткую строку: «Мост. Гуров рядом. Внимание разделено». Строку под ней

она оставила пустой — для того, что должно было произойти дальше и чего она ещё не знала.

* * *

IX. Ефим

Узел связи Скалы занимал нижний ярус одного из каменных домов, врезанных в террасу карьера, — тесное помещение без окон, где единственным источником света служила лампа на столе да индикаторы передатчика, мигавшие ровно, без спешки.

Ефим услышал первый голос Подпоры в третьем часу ночи и записал его слово в слово в тетрадь, прежде чем бежать докладывать, — привычка, въевшаяся за те годы, что он держал эту вахту почти бессменно, сменяясь лишь на сон с двумя подручными, которых сам же и обучил слушать паузы между словами так, как слушал их он.

— Подпора, — сказал он Аркадьичу тем же утром, протягивая тетрадь. — Девятнадцать человек, судя по тому, что сказали сами. Позывной новый, манера говорить — не бандитская. Короткие фразы, без лишних слов, пауза перед важным — человек на том конце думает, прежде чем сказать, а не говорит, что придёт в голову.

Аркадьич долго листал тетрадь, хотя записей там было всего несколько строк.

— Девятнадцать — не ополчение и не банда, — сказал он. — Слишком мало для банды, слишком дисциплинированно для сборища перепуганных одиночек. Что скажет Родион?

Родион, вызванный на этот разговор отдельно, выслушал

запись, прокрученную Ефимом дважды, и сложил руки на груди.

— Банда прячет число, а не называет его первым делом, — сказал он. — Эти сами сказали, сколько их, прежде чем мы спросили. Либо глупцы, либо уверены в себе настолько, что скрывать нечего. Глупцов, которые два года просидели тихо под землёй, не бывает.

— Значит, уверены, — заключил Аркадьич. — Или хотят, чтобы мы так подумали.

Ефим, стоявший у двери, позволил себе вставить слово — не потому что положение давало ему это право, а потому что никто из старших не слушал саму запись так долго и внимательно, как он.

— Они два года молчали, зная про наш эфир, — сказал он. — Это не поведение тех, кто хочет напасть внезапно. Нападающий не ждёт два года, чтобы сначала представиться.

Люба, присутствовавшая при разговоре по делу, не связанному с радио, задержалась у входа, услышав последние слова.

— А если они ждали, пока наберутся сил? — спросила она.

— Тогда они плохо считают время, — заметил Ефим. — За два года мы выросли втрое. Если они ждали усиления, то отстали от нас так сильно, что бояться их вообще не стоит. Я скорее думаю, что они просто осторожны по-своему, не по-нашему.

Совет не принял решения в тот день — отложил до второго сеанса, назначенного через неделю, и Ефим вернулся на вахту с тем же чувством, с каким встречал любой незнакомый голос в эфире за долгие годы дежурства: не страхом и не радостью, а настороженным любопытством человека, для которого чужой голос — это прежде всего задача, которую нужно понять, прежде чем на неё реагировать.

Вечером, оставшись один в узле связи, он снова включил запись и слушал её не для доклада, а для себя, — голос Марины, короткий, деловитый, с тем особым ровным спокойствием, с каким говорят люди, давно привыкшие держать эфир в руках, а не бояться его.

— «Роскошь формальностей», — повторил он вслух фразу, которая отчего-то запомнилась ему больше прочих, и ловил себя на том, что рад бы повторить её ещё раз при встрече, а не просто занести в тетрадь.

Он не рассказал об этом никому в совете — не потому что скрывал, а потому что не нашёл, как объяснить взрослым, занятым вопросом безопасности, что часть его любопытства была просто человеческой: ему давно не встречался связист, рассуждающий о службе так, что хотелось переспрашивать, а не просто отчитываться.

На третий день ожидания Прохор, вернувшийся с дальнего поста на восточной гряде, доложил о пропаже барана и странных, нечеловечески ровных метках на коре — доклад, который в иной день затмил бы собой любые мысли о голосе

из-под земли, но в этот раз лёг рядом с ним, не поверх него, как ещё одна линия в и без того тревожной карте.

— Может, это одно и то же беспокойство, — сказал Ефим Аркадьичу, сопоставляя даты. — Или два разных, которые решили явиться нам в одну неделю, просто чтобы проверить, умеем ли мы разбираться в двух бедах сразу.

Аркадьич не ответил ему прямо — лишь велел удвоить дальние посты и не отвечать Подпоре раньше срока, назначенного самим же Ефимом, — и тот вернулся к трансиверу, слушая шум эфира так же терпеливо, как слушал его всегда, зная, что ответ придёт тогда, когда придёт, а не тогда, когда захочется его услышать.

* * *

X. Позывной

Второй сеанс со Скалой назначили через неделю, как и обещал голос в динамике, и на этот раз к трансиверу впервые допустили не только Марину.

— Хочу, чтобы на связи сидел Лёвка, — сказал Виктор накануне вечером, застав Марину за проверкой аппаратуры. — Ты ведёшь протокол. Он слушает.

— Ему четырнадцать, Виктор, — заметила Марина, хотя в голосе её не было настоящего возражения, скорее проверка, готов ли он сам к тому, что сказал.

— Ему четырнадцать, и он различил их голос под шумом раньше нас двоих, — ответил Виктор. — Переговоры пусть ведут взрослые. От него нужно только то, что умеет слышать он один.

Марина кивнула и в тот же вечер показала Лёвке, как переключать частоты записи, как вести протокол сеанса вторым голосом, если первый занят разговором, — не как ребёнка, которого учат игре, а как человека, которого готовят к смене.

Сеанс начался в назначенный час секунда в секунду — Скала, судя по всему, дорожила расписанием не меньше, чем Подпора дорожила своим.

«…Скала-один вызывает Подпору. На связь вышел старший — Всеволод Аркадьевич. Прошу представить состав и

число вашего поселения…»

Голос был другим — глубже, медленнее, с той особой неторопливостью человека, привыкшего, что его слушают не перебивая.

Марина кивнула Лёвке — вести протокол — и заговорила сама:

— Подпора, Виктор Николаевич на связи. Поселение основано на месте бывшего объектового убежища, население девятнадцать человек. Около года на поверхности.

На этот раз пауза на другом конце тянулась настолько, что Марина покосилась на индикатор — проверить, не оборвалась ли связь.

«…Девятнадцать. Не мало для того, чтобы столько времени просидеть тихо. У нас счёт на сотни, Виктор Николаевич. Хочу понять, с кем говорю, прежде чем говорить дальше…»

Лёвка, ведя протокол, вдруг поднял руку — жест, который Марина уже видела у него раньше, за партией в угадывание шагов по коридору, ещё под землёй.

— Помехи меняются, — тихо сказал он Марине, прикрывая микрофон ладонью. — Слушай паузу между словами. Он не один говорит — там ещё кто-то рядом, подсказывает.

Марина прислушалась и через секунду кивнула — действительно, за основным голосом угадывался второй, тише, будто советник за плечом старшего.

— Значит, у них тоже не один человек решает, — сказала она вслух, уже не таясь. — Как и у нас.

Виктор, слушавший через второй динамик, впервые за сеанс позволил себе едва заметную улыбку.

— Всеволод Аркадьевич, — сказал он в микрофон. — Предлагаю не пересчитывать друг друга через эфир. Предлагаю встречу. С нашей стороны — не больше пяти человек, без оружия дальше периметра вашей охраны.

Долгая пауза. Приглушённый разговор на том конце — не для чужих ушей, но эфир не всегда умеет прятать то, что не предназначено для передачи.

«…Принято. Пять дней на подготовку с нашей стороны. Место встречи назначим отдельным сеансом. И, Виктор Николаевич, — голос сменил тон, стал чуть менее официальным, — умеете вы держать паузу перед важным словом. Это я оценил…»

Связь оборвалась. Лёвка отложил карандаш и посмотрел на исписанный протокол — почерк его давно перестал быть детским, но сегодня, кажется, вывел строки увереннее обычного.

— Ты услышал второй голос раньше меня, — сказала Марина, глядя на него без удивления, скорее с тем спокойным признанием, каким когда-то смотрел на него Виктор после первого сеанса.

— Я просто дольше сижу тут по ночам, — повторил Лёвка ту же фразу, что говорил неделю назад, и на этот раз в ней прозвучала не скромность, а что-то похожее на гордость, спрятанную за той же формулировкой.

Он не пошёл сразу спать, хотя смена его давно кончилась, — остался в отсеке, переписывая протокол набело для журнала. Марина потушила свет над своим столом и молча вышла, не окликнув его: пусть допишет, раз ему это нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.